

Юрий Радченко

Дневник нацистского идеолога и бюрократа Альфреда Розенберга: Холокост и «восточная политика» Третьего Рейха*

Дневники и личные записки, в том числе мемуарного характера, различных политических деятелей всегда привлекали историков, и исследователи Второй мировой войны – не исключение (так, огромный интерес вызывают ежедневные записки министра пропаганды и просвещения нацистской Германии Йозефа Геббельса). В послевоенный период многие нацисты, которым удалось избежать смертной казни, а часто и вообще какого-либо длительного тюремного срока, писали мемуары. Во второй половине 1950-х-1960-х гг. в Западной Германии наблюдался своего рода бум публикаций и спроса на мемуары деятелей Третьего Рейха. К примеру, бывший министр вооружений нацистской Германии после выхода из тюрьмы сделал состояние на издании своих воспоминаний и тюремных дневников¹. Спрос на дневники даже стимулировал появление фальшивок. К примеру, известен скандал с публикацией фальшивых «дневников Гитлера» в 1980-е годы, который стоил репутации историку Хью Тревору-Роперу (Hugh Trevor-Roper)².

Несмотря на то, что дневник министра оккупированных восточных территорий и одного из главных идеологов германского национал-социализма Альфреда Розенберга был известен еще со времен Нюрнбергского процесса и частично публиковался в 1956 и 1964 годах³, в полном объеме он был опубликован только в 2015 году, и сразу на двух языках – немецком и русском. Немецкую версию издали специалисты из Института современной истории (Мюнхен) и Мемориального музея Холокоста (США) – Франк Байор (Frank Bajohr) и Юрген Маттхойс

* Впервые статья была опубликована в журнале *Ab Imperio* (2016. № 1). Она написана в рамках исследовательского проекта, поддержанного: L. Dennis and Susan R. Shapiro Fellowship (Center for Advanced Holocaust Studies, United States Holocaust Memorial Museum); European Holocaust Research Infrastructure Fellowship (Zentrum für Holocaust-Studien, Institut für Zeitgeschichte, Munich, Germany); DAAD Fellowship; Petro Jacyk Visiting Fellowship and The Anne Tanenbaum Centre for Jewish Studies (CJS) Visiting Fellowship at University of Toronto; стипендия Немецкого исторического института в Варшаве; Yahad In Unum Fellowship. Печатается с некоторыми изменениями – прим. ред.

¹ Speer A. *Erinnerungen*. Berlin, 2005; Speer A. *Spandauer Tagebücher*. Frankfurt am Main, 1978.

² Rentschler E. *The Fascination of a Fake: The Hitler's Diaries // New German Critique*. 2003. Vol. 90. P. 177-192.

³ Rosenberg A. *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, aus den Jahren 1934-35 und 1939-40: Nach der photographischen Wiedergabe der Handschrift aus den Nürnberger Akten / Ed. H.G. Seraphim*. Göttingen, 1956; *Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs, 1934-35 und 1939-40*. München, 1964.

(Jürgen Matthäus)⁴; русскую – московский фонд «Историческая память»⁵. Немецко-американское издание книги имеет большое предисловие и несколько вступительных статей, в которых изложена биография Розенберга, информация о его участии в Холокосте и влиянии на оккупационную политику в СССР.

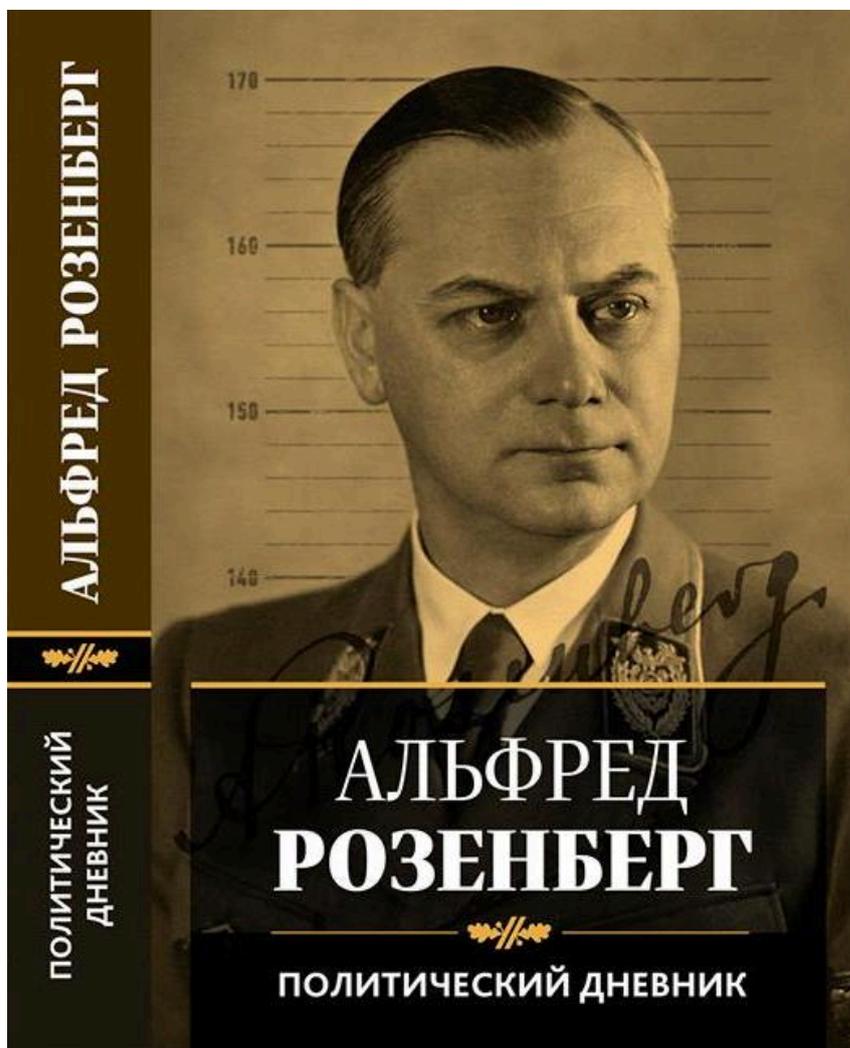

В этом издании, в отличие от российского варианта книги, содержится большее число малоизвестных фотографий, собранных из разных архивов. Немецкие и американские исследователи, которые готовили публикацию дневника, снабдили его приложением, в которое включили много новых, малоизвестных докумен-

⁴ Alfred Rosenberg: Die Tagebücher von 1934 bis 1944 / Ed. J. Matthäus, F. Bajohr. Frankfurt am Main, 2015.

⁵ Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934-1944 гг. / Под ред. И. Петрова. М., 2015.

тов, посвященных деятельности Розенберга в 1920–1940-е годы. Российские издатели ограничились двумя короткими вступительными статьями и комментариями, о которых речь пойдет ниже. Кроме того, российские публикаторы не включили в текст опубликованного источника отрывки из дневника, которые в оригинале были зачеркнуты Розенбергом (чаще всего – отдельные слова).

Ценность записок Розенберга заключается не только в том, что они проливают свет на многие аспекты политики Третьего Рейха. Главное – перед нами личное восприятие одного из главных идеологов нацизма, что отмечается и в появившихся довольно скоро после выхода немецкого издания рецензиях⁶. Какой Розенберг видел «восточную политику»? Чем отличался его подход от видения Гитлера и других лидеров Третьего Рейха? Каковым было мнение Розенберга о разных народах Европы и Азии? Что он писал о Холокосте? В этой статье я постараюсь ответить на эти и другие вопросы.

⁶ Théofilakis F. La publication des journaux d'Alfred Rosenberg: Entretien avec Jürgen Matthäus // Revue d'histoire de la Shoah. 2015. Vol. 2003. P. 361-370.

«Украинский вопрос»

В дневнике Розенберг очень часто касается украинской проблематики. Из записей видно, что интерес к ней возрастает по мере того, как «украинский фактор» начинает играть роль во внешней политике нацистской Германии. Одно из первых упоминаний «украинского вопроса» мы находим в записи от 18 декабря 1938 года, в момент, когда после подписания Мюнхенского соглашения и оккупации нацистами Судетской области Гитлер готовил полное уничтожение Чехословакии. Факторы немецкого (в Судетах), словацкого и украинского национализма играли в его планах важную роль. В Германии активно обсуждалось создание лояльного нацистам украинского государства на территории Закарпатья. В дневнике Розенберг говорит о себе как о «главном специалисте» в «украинских делах»; его раздражают те, кто занимается этим вопросом, хотя «абсолютно не разбирается» в нем: «Украинский вопрос занимает теперь умы всех политиков; каждый полагает, что разбирается в нем. Причем те, кто до недавнего времени не подозревал о его существовании, держатся так, словно изучили его вдоль и поперек – в их числе господин ф[он] Р[иббентроп]» (С. 180, Р. 265).

Из дневника следует, что эмиссары правительства Августина Волошина и ОУН в Закарпатье (в том числе, Рико Ярый) посещали МИД Германии и структуры Розенберга со своими проектами создания независимого украинского государства на территории Закарпатья. Иногда Розенберг игнорировал этих украинских эмиссаров, перепоручая общение с ними своим заместителям. В той же записи он сообщает: «Три укр[аинских] министра из Карпато-У[краины] побывали в моем ведомстве. Я не захотел их принимать. Они были у д[октора] Л[ейббрандта] и попросили передать мне благодарность от своего имени и от имени укр[аинского] народа, так как именно я указал Европе на укр[аинский] народ» (С. 181, Р. 266).

Дневник Розенберга показывает, что в это время «украинскими делами» интересовались и в фашистской Италии: «Д[октор] Л[ейббранд] представил отчет о поездке в Рим: Италия также наблюдает за Украиной. Старый д[октор] Инсабато по-прежнему активен и склоняет Муссолини защитить карпато-у[краинцев] от притязаний венгров, которые, заручившись нашей поддержкой, решили, что смогут вернуть себе былое господство над прочими народами» (Там же).

Как известно, в марте 1939 года Гитлер дал возможность армии Венгрии оккупировать провозгласившую независимость Карпатскую Украину. Розенбергу, как свидетельствует дневник, это решение не понравилось, он рассматривал это как своего рода «предательство», тем более что сторонники независимости Карпатской Украины в конце 1938 – марте 1939 г. всюду декларировали лояльность нацистской Германии. Близкая к ОУН украинская эмиграционная газета *Дальний Восток*, которая выходила в Харбине и активно поддерживала правительство Августина Волошина, 20 октября 1938 года, после подписания Мюнхенских со-

глашений, опубликовала статью, где приводилась выдержка из выступления Гитлера 26 сентября 1938 года: «Я сочувствую судьбе словаков, поляков, венгров и украинцев. Конечно, я являюсь выразителем судьбы немцев». В этой публикации подчеркивалось, что «украинцы воспринимают заявление Гитлера о том, что он сочувствует их судьбе, с огромным моральным удовлетворением»⁷. Евреи, пережившие войну и Холокост на Закарпатье, вспоминают, что солдаты «Карпатской Сечи» – фактически, вооруженных сил Карпатской Украины, составляли еврейские «черные списки», избивали и выгоняли евреев из их домов, грабили и облагали высокими налогами еврейских бизнесменов⁸.

Несмотря на типологическую и идеологическую близость, Розенберг относился к ОУН негативно. Заявления руководства Карпатской Украины и командования «Карпатской Сечи» о том, что они действуют от имени Германии, он считал «бесцеремонными»: «... когда К[арпато]-Укр[аина] была принесена в жертву, мы оказались предателями, так как представители ОУН выдавали себя там за наших представителей и делали все обещания от *нашего* имени. Сыграла свою роль и пропаганда в пользу ОУН на венском радио. Теперь украинцы настроены против нас. В ответ я даю указание в статье по укр[аинскому] вопросу установить вину ОУН, что соответствует действительности, поскольку данная группа действовала бесцеремонно и т.д.» (С. 189, Р. 275-276).

Интерес Розенберга к «украинскому вопросу» вновь вырос в период подготовки нацистской Германией нападения на СССР в 1941 году и не ослабевал до конца войны. После очередного совещания с Гитлером в марте 1941 года Розенберг сделал вывод, что у руководства имеется общая позиция по отношению к Украине. 28 марта 1941 года он записывает: «Я уже слышу рассуждения (от Гитлера – Ю.Р.) о том, что следует думать об экономике "без идеологии", я думаю, укр[аинский] вопрос может быть решен только ясной и четкой установкой: против москвитов и евреев. Эти лозунги имеют двухсотлетнюю историю, и *сейчас* они могут быть претворены в жизнь» (С. 286, Р. 276).

Показательно, что в российской версии книги после этой цитаты стоит примечание сотрудников фонда «Историческая память» (возможно, директора фонда Александра Дюкова), в котором сообщается, что через несколько дней после того, как была сделана запись, в Кракове прошел «II Великий съезд (!) ОУН», «постановления которого были оперативно переведены на немецкий язык и направлены руководству Третьего Рейха». Авторы примечания справедливо отмечают, что программа, принятая на Втором Великом Сборе ОУН(б) в апреле 1941 года, имела резко антирусскую и антисемитскую направленность. Но само примечание – явная попытка однозначно привязать ОУН под руководством Степана Бан-

⁷ Гитлер: «Я співчуваю долі Словаків, Поляків, Мадярів і Українців» // *Далекий Схід*. 1938. № 15. 20 жовтня. С. 4-5.

⁸ Косаківський М. З недавнього минулого // *Наше Слово*. 1977. № 5. С. 69-70; Segal R. Imported Violence: Carpatho-Ruthenians and Jews in Carpatho-Ukraine, October 1938 – March 1939 // *Polin: Studies in Polish Jewry*. 2014. Vol. 26. P. 326.

деры к структурам Альфреда Розенберга. Конечно, невозможно отрицать факт сотрудничества ОУН(б) с нацистской Германией, как и ксенофобский характер ее идеологии, но буквальная связка «ОУН(б) – Розенберг» выглядит идеологической натяжкой. Как уже говорилось выше, Розенберг довольно прохладно отзывался об ОУН. Записи в дневнике свидетельствуют, что он испытывал уважение и финансировал гетмана Павла Скоропадского (С. 286, 299; Р. 379), а также эмиграционного украинского казацкого деятеля Ивана Полтавця-Остряницу (С. 299; Р. 379). Известно также, что министерство Розенберга финансировало президента УНР в изгнании Андрея Левицкого⁹.

В то же время, бандеровская пропаганда, по крайней мере, в 1943 году, создавала крайне нелицеприятный образ министра оккупированных восточных территорий и часто отождествляла его с рейхскомиссаром Украины Кохом. Так, например, одна из газет УПА – *Свободная Украина* – в сентябре 1943 года сообщала, что Розенберг и Кох планируют конфискации урожая в Украине с целью организации там голода¹⁰. В нескольких случаях Розенберг высказывается в дневнике в поддержку репрессий Коха против членов ОУН, старавшихся проникнуть в органы власти оккупированной нацистами Украины. В записи от 21 ноября 1942 года Розенберг сообщает об отмене указа рейхскомиссара Украины о закрытии «всех школ и институтов», но вместе с тем сетует на то, что в Киеве «...тамошний медицинский институт раздулся до 2000 "учащихся". Большею частью националисты из Лемберга (Львова – Ю.Р.), которые не работают, а занимаются другими делами. Кох хочет снова продемонстрировать "сильную руку"» (С. 364, Р. 462).

Также негативно Розенберг относился к участию украинских националистов, чаще всего – членов ОУН(м), в пропагандистской работе. 16 октября 1942 года он ругал в дневнике «украинских писателей» – авторов «неудачной» брошюры для солдат Вермахта: «Я указывал д[октору] Л[ейббрандту] на совершенно негодную брошюру о Востоке для походной библиотечки. К ней приложила руку пара укр[аинских] писателей, чтобы распространить в Вермахте сентиментальные воззрения. Два вечера мне пришлось перерабатывать ее в соответствии с предметом обсуждения» (С. 352, Р. 451).

Определенная предвзятость русского комментария к дневнику видна и в переводе текста постановлений II Великого Сбора ОУН в апреле 1941 года. Российские авторы цитируют антиеврейские пассажи в этом документе, используя украинскую галицийскую форму этнонима «жид» без перевода на русский («еврей»). Конечно, было бы странно отрицать радикальный антисемитский характер идеологии ОУН в 1941 году, особенно на фоне массы современных исследований на эту тему¹¹. Но вместе с тем историческая аккуратность требует учета того, что

⁹ Bundesarchiv Berlin (BAB). R 6/151. Bl. 0786.

¹⁰ Цьогорічні жнива та поїздка Розенберга по Україні // Вільна Україна. 1943. № 7. С. 6-7.

¹¹ См., напр.: Himka J.-P. The Organization of Ukrainian Nationalists, Ukrainian Police, and the Holocaust. Presented at the Seventh Annual Danyliw Research Seminar in Contemporary Ukrainian

в русском языке слово «жид» имеет резко негативную коннотацию, в то время как в польском и галицийском украинском языке и на Волыни (а в украинской диаспоре и сейчас) это – нейтральное обозначение «еврей». Устраняя нюансы, авторы примечания прибегают к неакадемическим приемам, чтобы подчеркнуть антисемитизм ОУН и представить его как марионетку нацистского режима.

20 июля 1941 года Розенберг составил короткий конспект того самого совещания у Гитлера 16 июля 1941 года, где руководство нацистской Германии решало судьбу Советского Союза. Он выступал на совещании как сторонник расширения культурной автономии Украины в рамках нацистского оккупационного режима: «...нужно поднять украинское историческое самосознание, поддерживать словесность, основать в Киеве украинский университет...» (С. 310; Р. 396).

Будучи реализованной, программа оккупационных властей шокировала тех украинских политиков, которые сотрудничали с Германией ради восстановления украинской государственности. Как следует из дневника, после создания дистрикта Галиция и присоединения его к Генерал-Губернаторству (1 августа 1941) Розенберг получал протесты от украинских национальных активистов. 2 августа 1941 г. он записал: «Да еще посыпались украинские докладные записки, затем протесты против присоединения Галиции к Генерал-Губернаторству. Якобы это тяжелейший удар, новый раскол, сводит на нет все дружеские чувства к немцам и т.п.» (С. 318, Р. 400).

Среди политиков, которые слали письма Розенбергу, был, к примеру, «вождь» ОУН(м) полковник Андрей Мельник. Он сообщал рейхсляйтеру: «Украинские националисты, которые словом и делом отстаивали немецко-украинское сотрудничество, с возмущением воспринимают слухи про скорое включение Западной Украины в Генерал-Губернаторство. Такой план противоречит жизненным интересам и желанию украинского народа. Он означает очередную историческую несправедливость против украинского народа и делает иллюзорным великое дело фюрера, который добивается справедливой и прочной перестройки Европы на национальной основе...Сердца всех украинцев бьются не для Кракова, а для Киева»¹².

Из записей начала осени 1941 года становится ясно, что позиции Гитлера и Розенберга по «украинскому вопросу» заметно отличались. Розенберг констатировал в дневнике (1 сентября 1941 г.), что Гитлер выступает за более жесткую

Studies; Chair of Ukrainian Studies, University of Ottawa (Canada). 20-22 October 2011. http://www.academia.edu/1071550/The_Organization_of_Ukrainian_Nationalists_the_Ukrainian_Police_and_the_Holocaust; idem. The Ukrainian Insurgent Army and the Holocaust. Paper prepared for the forty-first national convention of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. 12-15 November 2009. http://ualberta.academia.edu/JohnPaulHimka/Papers/1123498/The_Ukrainian_Insurgent_Army_UPA_and_the_Holocaust; idem. The Lviv Pogrom of 1941: The Germans, Ukrainian Nationalists, and the Carnival Crowd // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne des Slavistes. 2011. Vol. LIII. №№ 2-4. P. 209-243.

¹² Головний Державний Архів Служби Безпеки України (ГДАСБУ). Ф. 12. Спр. 372. Т. 32. Арк. 411.

политику в отношении этнических украинцев: «Фюрер придерживается мнения, что если такой большой народ постоянно позволяет себя угнетать, то он не настолько ценен, чтобы быть признанным другими народами самостоятельным. Вывод: с ними следует обращаться так же, как с русскими. Эта многократно высказанная точка зрения весьма отлична от отстаиваемой мной и от принятой фюрером ранее» (С. 320, Р. 403).

Розенберг пишет, что он выступает «за признание украинских антимосковитских идей и тем самым за привлечение добровольных помощников при освоении украинской территории» (Там же). Он также сообщает, что направил Гитлеру протест против присоединения Одессы к Румынии, а также инструкцию назначенному рейхскомиссаром Украины Эриху Коху, в которой изложил свою версию решения «украинского вопроса». Интересно, что в этой записи проиллюстрированную выше позицию Гитлера он называет «сиюминутной». Он все еще надеется, что Гитлер изменит свое отношение к украинцам. «В м[оей] инструкции Коху я обобщил все основоположающие аспекты, которые представляются мне целесообразными для немецкой политики. Если не считать сиюминутных рассуждений фюрера, все разделяют мои взгляды...» (С. 321, Р. 404).

Через месяц оснований для подобных надежд не осталось: Гитлер категорически отказался принять «мягкий» курс в отношении украинцев. На одном из совещаний руководитель Третьего Рейха высказал идею о том, что даже зависимая от Германии Украина может стать в перспективе врагом: «...возм[ожный] план создания независимой Украины со всеми культурными и государственными следствиями из него – в сущности положен под сукно. Фюрер опасается, что мы можем взрастить *врага*. Эту точку зрения поддерживают суждения Антонеску и докладная записка, представляющая Украину ядром будущего общероссийского сопротивления» (С. 329, Р. 407).

К украинской теме Розенберг обращается вновь в связи с обнаружением в Виннице в мае 1943 года останков жертв Великого террора 1937-1938 гг. Он использует традиционные нацистские антисемитские клише и стереотипы: исполнителями казней были «жидо-большевики», а жертвами – исключительно украинцы. Розенберг сравнивает место расстрелов в Виннице и обнаруженное весной 1943 года захоронение убитых НКВД польских офицеров под Катыню, и его симпатии в данном случае – на стороне украинцев: «Здесь речь идет не о расстреле руководителей враж[еского] народа (Катынь), а об убийстве своих соотечественников. Детали показаний являющихся сейчас свидетелей позволили установить имена евр[ейских] доносчиков и евр[ейских] комиссаров. Из округи в сто к[ило]м[етров] приезжают сейчас плачущие украинки и пытаются опознать их пропавших мужей и пр. Простые люди ...: крестьяне и рабочие, стали жертвой евр[ейской] кровожадности» (С. 383, Р. 482).

К октябрю 1944 года большая часть территории Советского Союза уже была освобождена Красной Армией. К этому времени фактически отпала надобность в министерстве Розенберга, который пребывает в политической изоляции, по-

гружается в депрессию и пытается в дневнике понять, как случилось, что «крупные сражения идут на немецкой земле...вблизи главной ставки фюрера» (С. 417, Р. 515). Розенберг перечитывает свои записки Гитлеру на тему «восточной политики» и «украинского вопроса» от 1941 года и сокрушается, что к его идеям «никто не прислушался». По его словам: «История Востока пошла бы по иному пути, если бы эта (Розенберга – Ю.Р.) концепция сохранилась... Армия из миллионов украинцев с перспективой новых земель на Востоке, возможно, избавила бы нас от сталинградской катастрофы» (С. 416, Р. 515).

В провалах «восточной политики» на территории оккупированной Украины Розенберг винит главным образом Коха. Для него рейхскомиссар Украины – «...показательный пример одичавшего филистерства в мировой политике. Он был хорош для разведения свиней в Восточной Пруссии и постройки поселений в Цихенау, но в восточной политике стал несчастьем для Рейха. Не потому, что он имел формат крупного оппонента, а потому – и это потрясает больше всего – что, будучи мелким хвастуном, нашел себе поддержку в главной ставке» (С. 418, Р. 515).

Своего «оппонента» Розенберг обвиняет в симпатиях к большевизму, русофильстве и украинофобии: «У К[оха] есть практическая жилка для конкретных экономических задач, но для *политики* – ни малейшей. Прежде сторонник большевизма, восторгавшийся русской молодежью, сочинявший вздорнейшую чушь о единстве восточно-прусской и русской территории ("Становление Востока", 1934), сейчас он и на самых крупных собраниях именовал все народы Востока неполноценными. Будучи главным чиновником Рейха на Украине, он вопреки всем инструкциям опубликовал 1.1.44 в "Укр[аине] Цайтунг" воззвание, в котором самым жирным шрифтом было напечатано, что народ У[краины] "не обладает богатой историей"! Ничего более глупого и сказать нельзя» (С. 418-419, Р. 517).

Читая эти рассуждения, важно помнить, что розенберговская модель восточной политики не предполагала «государственности» для народов СССР даже в виде фашистских государств, а ведь именно к государственности стремились национальные движения, сотрудничавшие с нацистами. 12 сентября 1941 года, все еще на гребне эйфории от летних побед Вермахта, Розенберг записал в дневнике: «Сегодня эстонцы, латыши и т.д. благодарны, через некоторое время они снова потребуют свою "собственную государственность", как будто Германия только для этого и существует, чтобы раз в 20 лет рисковать своей шкурой для всякой мелкоты. Весь этот рейхскомиссариат Остланд под немецкой протекцией должен навсегда стать землей Рейха. Иначе через 30 лет москвит в новом мессинском одеянии снова засядет в Ревельской крепости» (С. 326, Р. 409).

«Русский вопрос»

Много страниц дневника Розенберга отведено размышлениям о том, как должна выглядеть послевоенная Россия. Известно, что Розенберг был сторонником ослабления русских («москвитов») и делал ставку на менее многочисленные народы, прежде всего, на украинцев, как это видно из предыдущего раздела. Одна из первых записей, посвященная русским, датирована 12 сентября 1941 года. В ней Розенберг обрушивается не только на евреев как «виновников» преступлений большевиков, но и на русских, которые, по его словам, несут «ответственность» за действия режима Сталина.

Гитлеровский министр вспоминает преследования немцев в 1812 году и в период Первой мировой войны, а также депортацию волжских немцев, начавшуюся в августе 1941 года. По его словам, «из 2,5 миллионов фольксдойчей 1 миллион наверняка уничтожен, из 1,5 поволжских немцев осталось 400 000. И они сейчас отправляются в сибирскую мерзлоту» (С. 325, Р. 408). Розенберг считает, что русские должны ответить за преступления против фольксдойчей, тем более что, по его мнению, вместо сопротивления режиму русские активно защищают большевизм: «Законы истории суровы. За эти убийства должна заплатить вся русская нация, тем более что, движимая своими извращенными чувствами, она не отталкивает своего мучителя от себя, а фанатично защищает. Это довольно удивительный феномен: заключенные защищают своих охранников от тех, кто хочет их освободить из тюрьмы. Этот "советский патриотизм" сегодня и надолго и есть Россия и русский народ, пусть русс[кие] эмигранты и не хотят видеть правду» (С. 325-326, Р. 409).

Из-за своих политических взглядов Розенберг игнорировал русских коллаборационистов и не считал нужным мобилизовывать тех представителей русского населения СССР, которые ждали немцев, были уверены в их победе и желали сотрудничать с ними против советской власти. Лидия Осипова, которая летом 1941 года проживала в Царском Селе, узнав о нападении Германии на СССР, в своем дневнике записала: «Неужели же приближается наше освобождение? Каким бы ни были немцы – хуже нашего не будет. Да и что нам до немцев? Жить-то будем без них. У всех такое самочувствие, что вот, наконец, пришло то, чего мы все так долго ждали и на что не все смели надеяться, но в глубине сознания все же крепко надеялись. Да и не будь этой надежды, жить было бы невозможно и нечем. А что победят немцы – сомнения нет. Прости меня, Господи! Я не враг народу своему, своей родине. Не выродок. Нужно смотреть прямо правде в глаза: мы все, вся Россия страстно желаем победы врагу, какой он там ни был. Этот проклятый строй украл у нас все, в том числе чувство патриотизма»¹³.

¹³ Осипова Л. Дневник Коллаборантки // «Совершилось. Немцы пришли!» Идеиный коллаборационизм в России в период Великой Отечественной войны. М., 2012. С. 65.

Позже Осипова сотрудничала с немцами в период нацистской оккупации. Даже зная о преступлениях нацизма, она была готова быть коллаборанткой «до конца». 26 марта 1944 года она записала в своем дневнике: «Что бы немцы ни делали с народами, как бы они ни были подлы, им далеко до большевиков. Никогда они не сумеют так зажать все духовные истоки народов, как эти. И мы будем с немцами до конца»¹⁴.

Как известно, многие русские политические эмигранты пытались проникнуть вместе с Вермахтом в оккупированные районы СССР. Там они устраивались переводчиками, работали в самоуправлении, вспомогательной полиции и СД, служили зондерфюрерами в Вермахте. Многие из них были активными сторонниками нацистской Германии, как, к примеру, доброволец 373-го валлонского пехотного полка (позже бригада СС «Валлония») Ростислав Завадский. 22 августа 1941 года он записал в дневнике: «Если возможность борьбы дается мне фюрером, то как я могу не подчиняться? Я отдаю себя в полное распоряжение борьбы с коммунизмом»¹⁵.

Розенберг же был против того, чтобы эти люди попадали на подконтрольные нацистам территории, подозревая, что русские эмигранты, так же, как члены ОУН, будут использовать свое положение для реализации собственных политических целей. 28 декабря 1941 года Розенберг отметил в дневнике, что на оккупированных территориях организация Тодта и монополии «жаждут русских эмигрантов. Я пока не пустил на Восток ни одного» (С. 343, Р. 427).

27 декабря 1942 года была опубликована известная «Смоленская декларация», подписанная уже вышедшим из немецкого плена и начавшим сотрудничать с нацистами генерал-лейтенантом Андреем Власовым. Декларация призывала «русский народ» к «свержению Сталина и его клики» и к подписанию «почетного мира с Германией»¹⁶. Но записи Розенберга свидетельствуют, что он оставался противником создания любого, даже абсолютно фиктивного «русского правительства». По его мнению, это могло вызвать цепную реакцию среди других национальностей СССР, чьи коллаборационисты обратятся с аналогичными требованиями к правительству Германии. 30 октября Розенберг записал: «Снова всплывает проблема "временного фиктивного русского правительства". Вполне понятное желание фронта, а именно на севере и в центре. Но одно фиктивное русс[кое] правительство немедленно повлечет требования десятка других. Так далеко заходить нельзя, и удовлетворятся ли русские, если им пообещать территорию от Москвы до Урала, должно остаться открытым» (С. 356, Р. 455).

¹⁴ Там же. С. 171.

¹⁵ Завадский Р. Своя чужая война: дневник русского офицера вермахта, 1941–1942 гг. М., 2013. С. 83; Радченко Ю. «Якщо можливість боротьби мені дає фюрер, то як я можу не підкорятися?!»: щоденник російського націоналіста на чужій своїй війні. <http://uamoderna.com/shafkadok/radchenko-zavadsky>.

¹⁶ Смоленская декларация. <http://generalvlasov.ru/documents/smolenskaya-deklaraciya.html>.

Дневник отчетливо демонстрирует, что Розенберг боялся любого вида русско-го национализма больше, чем других национальных движений в зоне оккупации. В записи от 18 декабря 1942 года он отмечает: «У меня состоялось совещание командующих всех округов оперативного тыла... Оф[ицеры] были единодушны во мнении, что русская нация является основным двигателем сопротивления. Их, русских, следует сделать активными борцами со Сталиным. Генерал фон Шенкендорф заявил, что его русские безупречно вели себя и сражались – но спрашивали все настойчивее: за что? Они достаточно разумны, чтобы отказаться от прежних границ, но им всем нужна русская родина. Если таковую им не могут обещать, то возникает непосредственная опасность, что они перейдут на сторону партизанских банд. То есть, решающая проблема заключается в том, можно ли удержать кавказцев, украинцев и пр. и одновременно гарантировать русским развитие их народа между Москвой и Уралом плюс в Сибири?» (С. 367-368, Р. 465-466). Розенберга очень сильно раздражало то, что генерал-лейтенант Власов и его единомышленник Георгий Жиленков «в своем воззвании обвиняют Сталина в том, что он продал англичанам Мурманск и Баку: явное указание на то, где лежит конечная цель и для этих офицеров» (С. 373; Р. 472).

Осенью 1944 организация Русской освободительной армии (РОА) и Комитета освобождения народов России (КОНР) в Германии под командованием Власова шли полным ходом. Куратором этого проекта стал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Розенберг, как уже указывалось, в это время фактически потерял влияние в Германии. 12 ноября 1944 года он с некоторой долей ревности отметил, что «власовский проект» поручили не ему, но тут же сообщил о своем недоверии к командующему РОА из-за его «великорусских настроений» (С. 421; Р. 518). По словам опального министра, Власов «впишет сейчас в русскую конторскую книгу» жертвы, «принесенные (в сражениях за Рейх – Ю.Р.) другими народами» (С. 425; Р. 520). Розенберг осознает свою полную изоляцию от Гитлера (уже несколько месяцев он не может выступить перед лидером нацистов с докладом!), но не сдаётся. Он сообщает о создании «управления по делам восточных народов», куда входят «представители (восточных – Ю.Р.) легионов», пишет про «акцию помощников ПВО, задействование белорусских ремесленников», отвод казаков с Дона / Кубани через Белоруссию в Северную Италию, учебные курсы в Варшаве и назначение начальников лагерей, обслуживание ставших инвалидами легионеров и пр. (С. 423; S.519).

Однако на уровне официальной пропаганды Розенберг не мог критиковать Власова. Журнал *Welt-Dienst*, который курировало его ведомство, 8 октября 1944 года опубликовал биографию генерала. На страницах этого издания будущий командующий РОА назывался «вождем русского освободительного движения»¹⁷.

¹⁷ ВАР. NS 20/77. Вл. 4.

Холокост

Известно, что министерство Розенберга сыграло значительную роль в осуществлении Холокоста в Европе. Так, в конце января 1942 года министерство восточных оккупированных территорий выпустило ряд инструкций, которые определяли, кого на подконтрольных немцам территориях можно считать евреем. Во многом эти инструкции основывались на «расовых законах», принятых в нацистской Германии в сентябре 1935 года¹⁸. В дневнике же тема преследований и уничтожения европейских евреев возникает редко – вероятно, потому, что в Третьем Рейхе существовал запрет на разглашение подробностей убийства евреев. Тем не менее, из дневника видно, что гитлеровский министр активно поддерживал уничтожение еврейского населения.

Дневник пропитан ненавистью и презрением к евреям. Розенберг отмечает, что Гитлеру не понравились Бердичев и Житомир, «так как это преимущественно еврейские городки» (С. 329; Р. 412-413). В записи от 12 сентября 1941 он делится своими впечатлениями от новости про депортацию советами волжских немцев в Сибирь. По его словам, от этих действий Сталина «наша ненависть к Москве взбурлила как никогда» (С. 324; Р. 408). В депортации волжских немцев Розенберг винит «международное еврейство». Он пишет, что «дал указание сделать очень резкое заявление (для прессы – Ю.Р.) и отправил подготовленную формулировку фюреру» (Там же). В проекте сообщения говорилось, «что если это массовое убийство (волжских немцев – Ю.Р.) будет осуществлено, Германия заставит поплатиться за это *евреев* Центральной Европы» (С. 324-325; Р. 408).

Два дня спустя в дневнике появляется упоминание об убийствах евреев Эстонии. Заслушав доклады своих подчиненных на эстонских территориях, Розенберг сделал вывод, что «сейчас, когда евреи и коммунисты искоренены, народ оживает» (С. 327, Р. 410). Наверстывая упущенное после длительного перерыва в ведении дневника и подводя итоги 1941 года, 29 декабря гитлеровский министр записал, что 3 июля этого года занимался кадровыми вопросами в оккупированных нацистами странах Балтии и слушал «доклад о ликвидации евреев литовцами» (С. 333; Р. 418).

¹⁸ Institut für Zeitgeschichte Archiv (IFZA). MA 247.

Европейский фашизм

В дневнике Розенберга имеется много информации о контактах немецких нацистов с другими фашистскими движениями в Западной и Южной Европе. Автор делится впечатлениями от встреч с лидерами этих движений. По записям в дневнике Розенберга можно проследить, как в 1930-е годы расизм становился частью идеологии итальянского фашизма. Так, 12 февраля 1937 года он записал свои впечатления от общения с итальянским профессором Джулио Коньи, автором книги по «расовой теории». По словам Розенберга, Коньи беседовал с Муссолини, и тот «понимает теперь значение ("расовой" – Ю.Р.) проблемы, он выяснил, что в Северной и Центральной части Италии почти 50% детей имеют светлый тип кожи» (С. 149; Р. 237). Автор *Мифа XX века* сравнивает «решение еврейского вопроса» в Германии с агрессией фашистской Италии в Эфиопии: «...любая нация нуждается в экстремальных примерах, это позволяет постичь всю глубину вопроса: у нас евреи, у итальянцев абиссинцы» (Там же). Розенберг констатирует, что «складывается впечатление, что фашизм все-таки вынужден будет постепенно склониться к определенным выводам. Интересно посмотреть, какую мину заставят скорчить Ватикан эти "новые язычники"» (Там же).

О «расовых вопросах» Розенберг говорил и с венгерским политиком Имреди Мечером. В частности, Розенберг советовал не называть праворадикальное движение, которое его венгерский гость хотел основать, «национал-социалистическим»: «каждая нация должна выбирать название, опираясь на *собственную* ситуацию. Мечер согласился, он полагает, что можно будет вновь ввести в обиход старое венгерское наименование "*защитники расы*"» (С. 174, Р. 262).

В конце мая 1944 года Розенберг описал свой визит в оккупированную нацистами Голландию. Там он встречался с местными нацистскими чиновниками и коллаборационистами из Национал-социалистического движения (НСБ) Антона Муссерта. В рамках визита Розенберг прочитал лекцию «Попытка решения европейской проблемы» в концертном зале Амстердама. Вот его описание аудитории: «Рядом с нашим гитлерюгендом (стояла – Ю.Р.) голландская молодежь в синих рубашках. Половина слушателей также местные. Неожиданный отклик, который показывает, как *некоторые* энергичные круги в Нидерландах идут в новое время в ногу с нами» (С. 405; Р. 503). На одной из таких встреч во время выступления Муссерта сказал, что «принявшие христианство готтентоты не станут строить готические соборы» (С. 407; Р. 505). В дневнике также имеется сообщение о том, что лидер голландских правых радикалов «был гостем» на открытии т.н. Института исследований еврейского вопроса во Франкфурте (С. 406; Р. 504).

Из дневника видно, что Розенберг и его ведомство активно поддерживали контакты с фашистскими движениями, которые боролись за власть в Южной и Центральной Европе. По анализу политической ситуации в Румынии видно, что Ро-

зенберг симпатизировал «Железной гвардии». В записи от 7 мая 1940 года он упоминает о встрече руководителя этой организации Хориа Симы с его сотрудником Арно Шикеданцем (С. 249; Р. 330). Позже, в феврале 1941 года, уже после того, как «легионеры» неудачно попытались захватить власть в Бухаресте и совершили ужасный погром еврейского населения, Розенберг пекся о перезахоронении Корнелиу Кодряну – лидера «Железной гвардии», убитого в 1938 году правящим режимом Румынии (С. 277; Р. 356). В записи от 29 марта 1941 года Розенберг упоминает о контактах его ведомства с хорватскими усташами под руководством Анте Павелича «еще около 1933 года» (С. 285, 287; Р. 364, 366).

Дневник Розенберга позволяет узнать кое-что и о конфликтах в среде европейских фашистских движений. Иногда разногласия существовали в фашистском движении в рамках одной многонациональной страны. К примеру, Муссерт жаловался Розенбергу на то, что «фламандцы уравниены с валлонами». Лидер голландских национал-социалистов «был возмущен» тем, что лидер валлонских фашистов из движения «Рекс» Леон Дегрель «въехал на танке Брюссель». Муссерт считал этот город «столь же нидерландским... как Данциг – немецким» (С. 406; Р. 505).

Даже в последние месяцы войны, когда Розенберг фактически потерял политический вес в Германии, он все равно пытался поддерживать своего рода клуб, куда бы входили европейские правые радикалы, настроенные пронемецки. На одной из встреч европейского «клуба» в Дрездене в начале декабря 1944 года, где присутствовал французский коллаборант Марсель Деа, а также представители «советов фламандцев, валлонов и голландцев», обсуждался в том числе вопрос, почему книга Розенберга *Миф XX столетия* не была переведена на иностранные языки и издана. Розенберг мотивировал отсутствие переводов тем, что «книга написана для Германии», но вместе с тем из записи в дневнике видно, что именно публикация этого памфлета завоевала симпатии многих европейцев к нацистской Германии: «Внезапно в этом кругу я ощутил, какое воздействие оказал "Миф". Кстати: любопытный факт: насколько мне известно, впервые легальное французское правительство ищет защиты в Рейхе. Остальные: настроены великогермански. Профессор де Фрис (голландский историк-медиевист, коллаборант Ян Де Фрис – Ю.Р.) (два сына в Ваффен СС) сказал: Голландия должна вернуться в Рейх, это единственное решение ее судьбы. То, что и валлоны подчеркивают свою германскую сущность – удивительное развитие событий последних лет. Великая война и совместные бои в рядах Ваффен СС помогли закалить новое сообщество, которое начинает отказываться от партикулярности» (С. 428; Р. 522-523).

Ислам, панарабизм, пантюркизм, народы Кавказа

Как следует из дневника Розенберга, его ведомство активно пыталось использовать арабский национализм, в том числе его антиссионистские тенденции, в борьбе против стран антигитлеровской коалиции. Известно, что в ноябре 1941 года Гитлер встречался с беглым иерусалимским муфтием Амином Аль-Хусейни. Лидер нацистской Германии пообещал гостю всеми силами бороться против зарождающейся еврейской государственности в подмандатной Палестине. Во время войны Аль-Хусейни неоднократно призывал мусульман убивать евреев и поддерживать нацистскую Германию. По дневнику Розенберга видно, что Аль-Хусейни искал контакты с лидерами Третьего Рейха еще весной 1939 года. Согласно записям, муфтий посетил Розенберга в начале мая 1939 года и просил поддержки.

В результате стороны договорились выпустить общую листовку: «Меня посетил лидер палестинских арабов: о моей работе знают повсюду. Нет ли у нас желания оказать моральную поддержку. Например, посредством передачи партии медикаментов муфтию в Бейруте. Он привез с собой из Лондона карту, на которой нанесены притязания евреев. Мы договорились об издании листовки. Макет разработан нами и незамедлительно напечатан арабами за границей» (С. 185, Р. 273). Из этой же записи видно, что Розенберг активно поддерживал идею установления дипломатических отношений с королем Саудовской Аравии Абдул Азизом ибн Саудом, а также с арабскими антибританскими националистами в Багдаде (С. 186; Р. 273).

Пытаясь использовать национализм тюркских и кавказских народов в борьбе против советского строя, Розенберг был противником эксплуатации идей панисламизма. 18 ноября 1942 года он записал в дневнике: «Легион "Идель-Урал" (коллорабационистское формирование, куда вербовались народы Поволжья, главным образом татары – Ю.Р.) хочет получить новые эмблемы – с полумесяцем. Мы пока пресекали это, так как поддерживаем *национальную* борьбу, а не религиозную. Указывается на то, что это лишь достойная почитания традиция» (С. 361; Р. 406).

Из дневников видно, что у Розенберга был своего рода «фольклорный интерес» к культуре крымских татар. В мае 1944 года, уже накануне прихода в Крым Красной Армии, Розенберг, совершая поездку из Бахчисарая в Симферополь, сделал остановку в поселке Албат (после депортации крымских татар в 1944 году – Куйбышево). Он вспомнил свое путешествие туда же 26 лет тому назад: «Все кажется гораздо запущеннее. Там, где раньше ювелиры мастерили серебряные изделия, а сапожники – башмаки, там, где на своих низеньких балконах сидели и курили татарки в цветастых платьях, там, где царило настроение 1001 ночи – сегодня ничего подобного не осталось. Неухоженные лавки, грязь на доро-

гах. Да и сам "дворец" тоже обветшал. Вероятно, в нынешних условиях я смотрел на все более критически» (С. 401; Р. 499-500).

Выводы

Дневник Розенберга – очень интересный документ эпохи. В нем отразилась судьба автора, прошедшего путь от одного из главных идеологов национал-социализма до человека, который фактически потерял влияние на политику Германии к концу войны. Весной 1941 года Гитлер, планируя наступление на Советский Союз, на одном из совещаний говорил ему: «Розенберг, теперь настал *ваш* час!» (С. 290; Р. 372). Осенью 1944 года, когда Розенберг стал министром без «оккупированных восточных территорий», он не мог добиться приема у высшего руководства нацистского государства. К этому времени он, по сути, уже не мог активно участвовать в общественной, политической и военной жизни умирающего Третьего Рейха. В это время Розенберг напоминал Муссолини 1944 года, который тоже записывал собственные размышления о причинах личного фиаско и политического и военного падения системы, которой он активно служил.

Дневник создает образ Розенберга – радикального антисемита и сторонника полного уничтожения евреев. В евреях он видел главного врага нацистской Германии и «нового порядка». По этому вопросу мы не видим расхождений между дискурсом личного дневника и официальным дискурсом нацистской пропаганды. Так, на протяжении многих лет на страницах журнала, который выходил при поддержке ведомства Розенберга, публиковались антисемитские статьи. К примеру, в мае 1943 года там вышел немецкий перевод с русского статьи «Роль евреев в большевистской октябрьской революции 1917 года в России» Н. Маркова¹⁹, где евреи обвинялись в организации февральской и октябрьской революций²⁰.

Кроме того, дневник позволяет лучше понять то, как Розенберг видел будущее народов СССР. Несмотря на призывы к нерусским народам «бороться с Москвой», он не был готов поддержать их планы полноценной государственной независимости. Розенберг отстаивал колониальную и империалистическую политику Третьего Рейха на захваченных территориях Советского Союза. Разногласия с Гитлером, Гиммлером и Кохом по «восточной политике», о которых шла речь выше, не являлись принципиальными. Подобно остальным лидерам нацизма, Розенберг был сторонником захвата «жизненного пространства» для Германии «на Востоке», и русские, украинские, кавказские, среднеазиатские и прочие колониальные, в конечно счете, оказывались лишь инструментами воплощения этой

¹⁹ Скорее всего, это Николай Евгеньевич Марков (Марков Второй, 1866–1945) – известный монархист и лидер черносотенцев, депутат III и IV Государственной Думы. В годы войны он активно сотрудничал с нацистами, специализируясь на антисемитской пропаганде.

²⁰ ВАР. NS 20/77. Р. 3.

политики. Пожалуй, все разногласия между Розенбергом и Гитлером можно свести к желанию первого с помощью национализма нерусских народов ослабить «Москву». Кроме того, ради победы Третьего Рейха и торжества его колониальной и геноцидальной политики Розенберг был готов развивать идеи пронацистского «паневропеизма», привлекая тем самым европейских правых радикалов, многие из которых воевали в войсках СС и сотрудничали с пронацистскими режимами в своих странах. При этом дневник свидетельствует, что Розенберг был противником идеи панисламизма. Однако он рассматривал (пан)арабский национализм как возможного стратегического партнера в борьбе с антигитлеровской коалицией и в деле уничтожения еврейского населения на территории подмандатной Палестины.

К сожалению, в отличие от, скажем, записей Геббельса, Розенберг вел дневник нерегулярно, и далеко не все события жизни автора в период с 1934 по 1944 год нашли отражение в опубликованных заметках. Некоторые периоды, как, например, 1942–1943 гг., представлены особенно фрагментарно и скупо. Хочется надеяться, что исследователи в будущем найдут записки или другие документы, которые компенсируют эти пробелы дневника.